

Нет, вернее будет сказать, что он испытывал отвращение к прикосновениям других людей, и чужие касания вызывали у него тошноту.

Что касается нынешней ситуации, Ло Лин списывал это на особенности прежнего владельца тела.

Верно, тот тоже не любил, когда к нему прикасались, но лишь не любил — не более.

В самом начале тело могло лишь слегка напрячься, стать немного скованным.

В отличие от него самого, которого от чужих прикосновений начинало тошнить.

Возможно, дело было в разных условиях, в которых им довелось выживать.

А может, и в чем-то другом, кто знает...

Прежнего владельца можно было назвать баловнем судьбы, купавшимся в любви и заботе, в то время как он сам был совсем иным...

— Лао Чжун, почему они до сих пор не спустились?

Старейшина Е отложил газету, поднял голову и посмотрел на лифт рядом с лестницей, не в силах скрыть своего недоумения.

Прошло уже около получаса.

Старейшина Е слегка нахмурился.

Не то чтобы он сетовал на долгое ожидание, просто беспокоился, не утомился ли Ло Лин.

Старейшина Е действительно велел Ло Лину отдохнуть пораньше, но он вовсе не хотел, чтобы его драгоценный внук остался голодным.

— Возможно, их задержали какие-то дела. Думаю, глава клана и молодой господин скоро спустятся.

Лао Чжун ответил с легкой досадой, но все же добросовестно.

Хотя старейшина и держал в руках газету, его глаза то и дело косились на лифт!

Не стоит думать, будто Лао Чжун этого не замечал!

Впрочем, он слукавил: на самом деле он понятия не имел, когда именно они соизволят спуститься.

Лао Чжун поднял взгляд, посмотрел на старейшину Е, который, сидя на мягком диване, не сводил глаз с дверей лифта, и, немного подумав, все же решился заговорить:

— Старейшина, может, вы перекусите фруктами или десертом? Как только глава клана и молодой господин спустятся, я прикажу слугам подать ужин. Или можно подать прямо сейчас? Вы поедите, а как они появятся, я велю принести свежие блюда.

— Не нужно, поедим, когда Чэньхэн и Чэньэр спустятся.

Да и вообще, я вовсе не голоден.

Выслушав Лао Чжуна, старейшина Е отказался, даже не задумываясь.

Закончив, он снова взял отложенную газету и углубился в чтение.

Однако его глаза по-прежнему то и дело поглядывали на лифт, будто он боялся пропустить самый важный момент.

Лао Чжун, который заранее предвидел отказ, больше ничего не сказал и просто тихо встал в стороне.

На самом деле ему не обязательно было стоять, но за десятки лет службы рядом со старейшиной Е он привык именно так проводить время. Если бы его заставили сесть, он бы только почувствовал себя не в своей тарелке.

Старейшина Е не раз говорил Лао Чжуну, что не стоит постоянно стоять, мол, кости нужно беречь, а в старости пора бы и отдохнуть.

Для старейшины Е Лао Чжун был не просто дворецким или доверенным лицом, а кем-то вроде родного брата.

Но переупрямить Лао Чжуна было невозможно, поэтому он оставил его в покое.

Лишь просил, что если тот хочет присесть или отдохнуть, пусть делает это без лишних церемоний.

Лао Чжун, конечно, понимал намерения старейшины, но спорить не стал, не желая отвергать проявленную заботу.

Иногда молчание рядом с кем-то — это тоже своего рода поддержка, тихая и надежная.

Десять минут спустя.

С лестницы слышались шаги: топ-топ-топ.

Услышав звук, старейшина Е и Лао Чжун в один миг перевели взгляды на лестничную клетку второго этажа.

Вскоре Е Чэньхэн, держа за руку Ло Лина, появился на лестнице.

На Е Чэньхэне была простая повседневная одежда, идеально подчеркивавшая его высокую, статную фигуру.

При росте метр девяносто, с широкими плечами и узкой талией, он обладал длинными прямыми ногами, которые невозможно было не заметить.

Его прекрасное лицо с четкими, словно высеченными чертами и глубоким контуром выглядело безупречно — каждая линия была выверена до совершенства.

В его черных, как смоль, глазах-фениксах мерцала нежность.

Она вытеснила привычный глубокий холод, а подавляющая аура была полностью скрыта.

К отцу, который лично воспитал его, Е Чэньхэн никогда не относился так, как к деловым партнерам.

Напротив, он глубоко уважал его, как и многие другие. С самого детства он искренне восхищался своим отцом.

Просто Е Чэньхэн с малых лет был человеком холодным и замкнутым, поэтому по его лицу нельзя было прочесть никаких эмоций.

Именно поэтому старейшина Е когда-то всерьез сомневался, не ошибся ли он в методах воспитания. Или, может, дело было в нем самом?

Ведь до пяти лет ребенок был таким живым, веселым и улыбчивым. Почему же после пяти произошли такие перемены?

В тот период старейшина Е был в настоящем отчаянии.

Он действительно заменял ему и отца, и мать, но будучи мужчиной, он не мог научиться женской нежности и чуткости, не мог понять всех детских переживаний.

Не найдя ответов, старейшина Е махнул рукой и решил спросить самого маленького Чэньхэна.

И что же ответил мальчик?

— Я уже не ребенок, и я не такой наивный! Я могу помочь тебе, я уже вырос!

Голос маленького Чэньхэна звучал твердо.

Казалось, ничто не могло изменить его решимость, даже десять волов не сдвинули бы его с места.

Он упрямо поднял головку, его черные блестящие глаза-фениксы горели решимостью, устремленные прямо на старейшину Е.

Маленький Чэньхэн, хоть и был мал, уже понимал: проигрывать можно, но терять лицо — никогда.

Услышав это, старейшина Е разозлился так, что чуть не задал сыну взбучку.

Пятилетний мальчишка заявляет, что может помогать ему в делах и что он уже взрослый! Разве это не напрашивалось на наказание?

Но глядя на упрямое детское личико и глаза, сияющие, словно звезды, старейшина Е в конце концов сдержался.

Это же ребенок, которого он носил на руках с младенчества! Как он мог поднять на него руку? Как он мог решиться его ударить?

Хотя он не понимал, почему маленький Чэньхэн так сказал, на душе у него потеплело.

Но вместе с облегчением пришла и сильная боль.

Облегчение от того, что в пять лет ребенок уже стремится помочь, ведет себя как маленький взрослый.

А боль — от того, что он еще так мал, но уже взвалил на себя такое огромное давление и столько ответственности.

Старейшина Е сам знал: быть наследником клана — задача не из легких.

Хотя в клане Е не было ожесточенной борьбы за власть, управлять огромным семейством и приумножать его богатство — дело далеко не простое.

Тот, кто носит корону, должен выдержать её тяжесть.

Чем больше способности человека, тем больше его ответственность.

Старейшина Е всё это понимал. Но он не хотел, чтобы из-за дел клана его сын лишился радостей детства.

Хочется смеяться — смейся, хочется плакать — плачь...

А не быть лишь холодным механизмом, предназначенным для работы на благо клана!

Перед лицом ледяного спокойствия сына старейшина Е порой терялся.

Но раз уж так вышло, ничего не поделаешь — пришлось пустить всё на самотек.

Результатом этого самотека стало то, что Е Чэньхэн превратился в невозмутимого, бесстрастного человека.

Если бы старейшина Е знал, что всё это — лишь начало ловушки, оставался бы он таким спокойным?

К сожалению, тогда он этого не знал.

<http://bllate.org/book/18593/1790616>